

Десять лет назад актер Александр Пороховщиков начал грандиознейшее предприятие: стал восстанавливать фамильный особняк в Староконюшенном переулке. С тех пор, на радость поклонникам, артиста можно запросто увидеть недалеко от объекта реставрации, на Старом Арбате, в кафе, где за рюмкой чая или чего покрепче он встречается с друзьями и деловыми партнерами. И разумеется, раздает автографы.

«Я не распространялся о своей родословной»

— Дом предков покажете, Александр Шалвович?

— Видите напротив замечательное красное здание позапрошлого века? Это и был дом моего прадеда, столбового дворянина Александра Александровича Пороховщикова, который много чего построил и в Москве, и в Питере. Сейчас в нем ресторан, аптека, квартиры, а в подвале, куда раньше весь Арбат ходил как в оборную, сделали шикарный бильярдный зал. Когда-то красивый забор с резными воротами соединял здание с особняком, где располагался игорный дом. Там в карты играли и проигрывали бешеные деньги. А в небольшом зале моя прабабушка аккомпанировала вместе с Рахманиновым Шалыпиным, который давал первый набросок «Бориса Годунова»... Бывший игорный дом, в котором после революции много чего было — библиотека, больница, детский сад, коммуналки, я и получил в 95-м в аренду на 49 лет.

Лужкову и поднял вопрос о передаче его мне в аренду. Лужков подписал необходимые бумаги. Потом надо было найти денег, потому что все меня поздравляли, но рубля никто не дал. Но Бог есть! Как-то сидел дома, последние волосы на лысине рвал в ужасе и думал, как же этот бомжатник — там ведь, кроме помойки и бомжей, ничего не было — привести в порядок. Помогли старые дореволюционные фотографии — сейчас, кстати, я их днем с огнем не могу найти, словно чья-то рука съвше мне их бросила. На этих снимках все было четко видно. Половину участка я отдал фирме для постройки четырехэтажного дома. Потом нашли подрядчика, который взялся и за реставрацию дома Пороховщиковых. Другого хода не было. Мне предлагали снести особняк, возвести на его месте высотку, а первый этаж отдать под музей. Я говорил: «Вы себя поставьте на мое место, это уникальный резной особняк, в свое время построенный без единого гвоздя». Потихонечку-потихонечку, и вот мы дожили до

Центр там, где моя Ирка

фото на развороте Сергея Иванова, Натальи Колесниковой, из семейного архива

Александр Пороховщиков:

У нас в роду мужчины

обзаводились потомством после 60

— А как впервые о нем узнали?

— Помню, в детстве бабушка меня приводила на Арбат и говорила: «Шурик, стой здесь». И куда-то уходила — а потом появлялась с глазами, красными от слез. Я все думал: «Куда она бежит, бабушка моя?» А она бегала смотреть на юность свою. Когда ее не стало, мама сюда приходила. А как-то делали про актеров передачу с моим участием — ходили снимали, на углу Арбата и Староконюшенного остановились, и ведущий спросил: «Там доска висит «Дом А. Пороховщикова». Правда, что он ваш? Вы не можете его себе взять?» А в то время — какое «взять»? Бабушка мне всегда говорила: «Сиди тихо, держи язык за зубами». Я никогда и не распространялся о своей родословной. Кто бы знал, что так судьба повернется. Теперь в доме Пороховщиковых будет музей, место общения и встреч. Чтобы люди заходили, грелись душой, ведь слезы столько, что обилье ее. Немыслимо все время слезы видеть человеческие. Даже враги пускай приходят и дружат там...

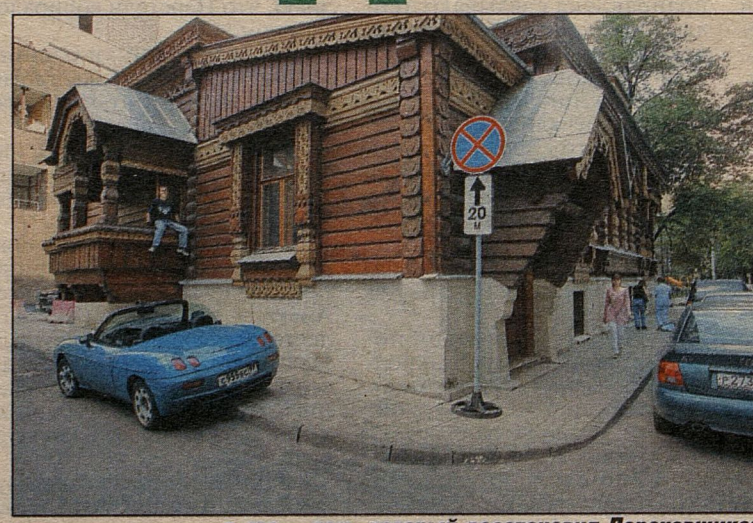
Я благодарен судьбе, что офтальмолог Святослав Николаевич Федоров, царство ему небесное, мой друг, которому я очень много рассказывал про этот дом, пошел к Юрию Михайловичу

того дня, когда дом почти полностью восстановлен.

К сожалению, не всегда работники честно относятся к делу, еще предстоит исправить массу недостатков. Стена отваливается, вода с крыши льется прямо в комнаты — козырьков нет. Я бы никому не пожелал заниматься этим делом. То, что я прошел за 10 лет, пока получал здание, все придумывал и согласовывал с властями, а потом реставрировал, — это тихий ужас!

— Что-то, наверное, уже утрачено навсегда?

— Конечно. В большой комнате особняка когда-то стоял камин — полторы тонны малахита по эскизам Врубеля. Его разобрали и уволокли. Сейчас я уже знаю, где тот камин, но фамилию не назову. Хотя местные мафиозные структуры мне уже предлагали: «Скажите только «фас!» — мы его принесем вместе с ушами нынешнего владельца». Я сказал: «Мне не нужно ни ка-

...а это — дом, который восстановил Пороховщиков

мина, ни ушей — оставьте в покое этого человека».

— Но какие-то реликвии у вас сохранились?

— Самая главная реликвия, детка, — это то, что мне в сердце и в душу вложили. А если говорить о вещах... В советские времена в Риге на колесном заводе, который построил мой дед, решили открыть музей. Хотя в Союзе никто доброго слова про моего репрессированного предка, изобретателя танка, не говорил. Маму попросили что-нибудь предложить для экспозиции — и она за копейки отдала потрясающие золотые запонки с бриллиантами. Я думаю, сейчас эти запонки давно на ракушке у кого-нибудь — музей на заводе так и не открыли, все оказалось болтологией.

— Надо полагать, теперь вам надо усиленно работать и зарабатывать, чтобы достойно обустроить дворняжское гнездо.

— Могу заработать только на кино. Вот недавно получил го-

норар за две картины — шторы заказал, 120 тысяч рублей нужно заплатить только за четыре окна в зале. Забор поставить — еще 89. Ну откуда? Воровать не приучен, понимаешь, какая штука... Все, что получаю на съемках, вкладываю в этот дом. Накупил туда мебели за свой счет — у меня дома такой нет. Мы без денег вообще сидим, ведь никто не помогает. Хотя, если брошу ключ своим родственникам по всему миру, живущим в Париже, Сан-Франциско и Австралии, дом засверкает, как бриллиант. Но мне стыдно — я нищий по сравнению с ними, единственный думаю, сейчас эти запонки давно на ракушке у кого-нибудь — музей на заводе так и не открыли, все оказалось болтологией.

— Отчего сами в особняке не поселитесь — все-таки центр Москвы?

— Центр там, где моя Ирка. У нас нормальная небольшая квартира на «ВДНХ». Но почти все время проводим на даче. Природа, тишина... Выйдешь утром —

никого нет. Тихо, спокойно, бегают мои собаки. А когда перенаселение, у всех проблемы, без конца какие-то сложности.

«Надеюсь, еще посмотрю в глаза своему ребенку»

— На интервью вы пришли с озвучания. Над чем работаете?

— Снялся в многосерийном фильме «Авантюристы», который обещают показать в новом сезоне. Я там генерал КГБ в отставке, отец главной героини, которую играет Олеся Понизова. Не Шекспир, конечно, но, говорят, занятно. По сравнению с другими сериалами, где сплошное пиф-паф.

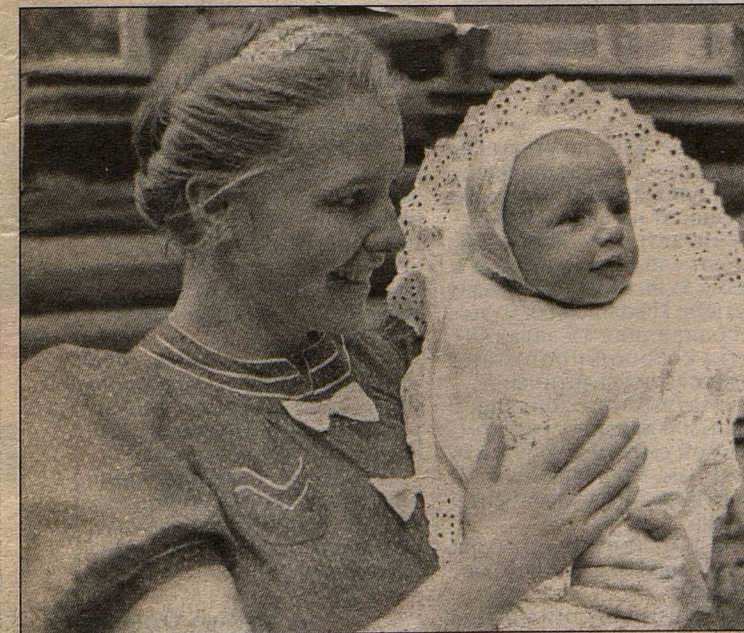
— Перешли на роли отцов. Наверное, хорошо, что кино позволяет пережить чувства, которых не довелось испытать в жизни. Ведь своих детей у вас нет...

— Пока нет. Но будут! Всю жизнь не до детей было. В молодости пришлось много работать, самоутверждаться. Хотелось не сломаться, выжить. Но в каком смысле? Человеком остаться. На хлеб всегда можно заработать. Вот так, детка... Конечно, и для меня, и особенно для Иры трагично, что у нас нет детей. Тем более она такая молоденькая, добрая, чистая. Я бесконечно перед ней виноват. Но надеюсь, что отцовство будет самым счастливым в моей жизни, потому что я обожаю детей. В свое время и чужого ребенка воспитывал.

— Как это получилось?

— Когда в Театре сатиры работал, на гастролях в Риге познакомился с девочкой Викой, наполовину немкой, наполовину латышкой. Она такая уличная, немножко была девка, хотя стихи писала неплохие. И я ей все вре-

мя говорил: «Зачем ты, детка, глупостями занимаешься? Тебе бы надо во ВГИК, на сценарный». А про себя думал: «Кому я все это говорю, она и про ВГИК-то не слышала». Прошло много лет, как-то мне в театре говорят: «Саша, тебя внизу спрашивают». Спускаюсь — стоит эта девочка в пенсне: «Вы меня не узнаете?» Оказалось, заканчивает сценарный во ВГИКе. Так получилось, что в общежитии института сын известного грузинского режиссера, не буду фамилию называть, пьяный, ел напоил и изнасиловал. Вика забеременела и хотела выкинуться из окна, потому что мать, когда обо всем узнала, чуть ее не убила. Я посоветовался со своей мамой, и она мне сказала: «Пусть у нас поживет». И уго-

Будущий актер с мамой

ворила ее рожать. Периодически Вика ходила к своему кавалеру, а ребенка мы с мамой качали по очереди. Все думали: «Лысый совсем с ума сошел, дите какое-то подобрали!» И целый год этот мальш на меня писал и какал. Это потрясающая история — я даже новеллу на эту тему хотел снять. Потом девушка закончила ВГИК и уехала в Латвию. Кстати, сына назвала Сандриком, от Александра, в честь меня. Прошло пять лет — мы с приятелями катались по Прибалтике и решили ее навестить. Я спросил: «Вика, а где сын?» — «А улише бегают». Пришел на детскую площадку. Сандрик подбегает и в лицо мне смотрит. Хотя узнать, конечно, меня не мог. Я рыдал в голос, не мог остановиться.

Спасаясь только тем, что бегаю и гоняю в футбол, правда, сначала через боль, а потом втягиваясь, азарт появляется: как мальчишка носишься и целую неделю потом в порядке.

— С такой болячкой, наверное, тянет скорее полежать.

— Вот это смерть. Старость ложится недвижимо, скелет остывает — а потом встать не может. А надо наоборот. Я своего отца постоянно дергал: «Вставай, пошли!» Он кричал: «Гстаповец, мучитель, садист!», но это продолжалось минуты три. А потом вставал, шевелился, опирался на 50 грамм водочки или коньячка, рассказывал анекдоты о женщинах — и все, живой человек.

Голову ей на колени положишь, она мою лысину погладит — не представляешь, какое это счастье.

Красивый парень вырос, гитарист. Потом куда-то канул. Не знаю, жив ли он, жива ли Вика. Ну вот так, все куда-то ушло, словно на другую планету улетело... Ничего не может быть прекраснее рождения ребенка.

— Есть удачные примеры позднего отцовства, в том числе среди актеров...

— Я себя стариком-то не считаю, хоть мне и 66, я как-то даже молодеть стал. У нас в роду мужчины только в 60–65 обзаводились потомством. Очень большие долгожители все были. Только вот дедушку в 41-м расстреляли — не дали пожить человеку. Надеюсь, что еще попоживу в глаза своему ребенку и успею его воспитать.

— Секретами молодости поделитесь?

— Секрет простой — надо любить. Вот и все. Быть естественным, чаще радоваться. Самое прекрасное в жизни — человеческое общение. Прощать людей надо, какими бы они ни были.

— А спорт?

— Бегаю каждую среду, потому что без этого встану на костыли. У меня полиартрит 40 лет.

— А вы себе 50 грамм позволяете?

— Я могу и больше позволить, если настроение есть. Когда-то по молодости здорово грузил, потом все надоело. Много могу выпить, но никогда не позволяю, чтобы водка мною руководила, когда он был «зашит».

— А сколько это дело погубило...

— Да, в основном как раз самых талантливых, незащищенных. Мир жесток, мнет таких. Но я не хожу на похороны, у меня на них аллергия — я уже столько народу схоронил. Все эти слезы и речи — в большинстве случаев липа сплошная.

«Друг у меня только один — жена»

— На Арбате у вас теперь что-то вроде рабочего места. Есть банные уличные впечатления?

— Иногда подсаживается кто-нибудь, интересные вещи рассказывает. Когда просят автограф, не могу просто взять и расписаться. Я, как бестолковый, начинаю этому человеку персонально писать, чего я ему желаю. Тут и торчу — чтобы документы посмотреть, за строителями приглядеть...

Но постараюсь еще поковыряться на этом свете. Три раза был от смерти на волосок. Дважды тонул, а один раз чуть не умер от заражения крови. Врачи занесли инфекцию.

Так странно все-таки жизнь устроена... Моя мама как-то подошла ко мне маленькому и спросила: «Шурик, хочешь братика?» — «Братика? Да ты что! Никогда, никаких!» Я хотел быть один у мамы, эгоист такой... Мама сделала аборт. И у нее сепсис начался. Врач сказал, что ей два дня осталось. Помню, холод собачий. Мороз. Снег. И мы с ба-

бушкой пришли к больнице. Вижу: в окне маминной палаты женщина стоит и смотрит. А через неделю мама домой пришла. Сказала: «Я поняла, что рядом со мной смерть стояла. И подумала: «Как мой Шурика без меня будет?» И смерть ушла». Родители умерли от одной болезни. Если бы у меня тогда были деньги, они были бы живые. Но в смерти я не верю. Жизнь вечна, и тому есть масса доказательств — я два раза там был и слышать никого не намерен, что после смерти ничего нет. Я думаю, мы все еще там появляемся. Человек не может просто в пыль превратиться, а энергетика, так называемая душа, куда девается? Никто не знает...

— Выпить могу много, но никогда не позволю, чтобы водка мной руководила

— Вы, должно быть, практичный.

— Оказалось, что практичный. Если что-то нужно — следаю. Не умею — научусь. Я же профессионал, притом сугубый профессионал. Пять метров пробегу быстрее всех в мире, я тебя уверяю. А вот пять с половиной — нет, хотя и постараюсь научиться. Понятно? Делай свое дело, а какой ты актер и человек — тебе люди скажут.

— У вас, наверное, много друзей.

— Совершенно тебя разочарую — ни одного. Пускай на меня мои товарищи не обижаются, но я вообще не верю, что у кого-то много друзей. Друг может быть только один. У меня был друг — мама, сейчас — Ира, жена. Товарищей много, но это не значит,

■ Надежда Келлер.

изнутри

Ирина Пороховщикова: Наше хобби — никогда не расставаться

— Самое первое впечатление от Саши у меня было очень плохое — когда я училась в школе, моя ближайшая подруга, по уши влюбленная в актера Пороховщикова, постоянно таскала меня на фильмы и спектакли со звездой. Все это отвлечало от личной жизни, поэтому, когда Пороховщиков появился на голубом экране, я выключала телевизор.

Когда мне еще не исполнилось 14, я пришла работать в Театр Пушкина костюмершей. Там мы и встретились. Саша было едва за сорок, и он считался завидным женихом. Как-то на репетиции он ко мне подошел, спросил, как меня зовут, и заодно поинтересовался, где я живу. «На Комсомольском проспекте», — честно ответила я. А недалеко от моего дома находился магазин «Дары природы». «Купи мне там рассола», — распорядился Саша. Я была молода, наивная и тогда не знала, что в том магазине все московские актеры делились от тяжелого похмелья. На следующий день пришла в театр с банкой рассола — так и начался наш роман... С Сашей мне и тогда, и сейчас безумно интересно.

Мы вместе уже 25 лет. Но говорить шепотом в нашей семье так и не научились — мы и ругаемся, и даже деремся иногда! Происходит это из-за пустяков — спорим, где поставить зеркало, куда посадить куст... Зато на съемки и гастроли всегда отправляемся влюбом. Муж за меня беспокоится и каждый раз встречает и провожает на службу, боится одну отпустить на улицу.

На досуге Саша смотрит спортивные передачи, а каждую среду играет в футбол на даче. Все уже смирились с этим его увлечением — и даже в театре по средам не назначают спектаклей с участием Пороховщикова.

Еще мы обоим любим путешествовать. При этом Саша не выносит самолетов, а я боюсь глубины, но мы все же преодолеваем свои фобии — и летаем, и плаваем... Наверное, это и называется компромиссом. Мы все делаем вместе. Наше хобби — не расставаться ни на секунду.

■ Надежда Келлер.

Этот дом на Старом Арбате тоже построил прадед актера...